Российская школа: проблемы педагогики и психологии / Russian School: Issues in Pedagogy and Psychology

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2658-4034-2026-17-3-1195 **EDN:** OMSBTL
УДК 159.923.5

Взаимосвязь переживания одиночества и агрессивности у подростков

И.И. Черемискина, А.К. Самойличенко, С.А. Стативкина
Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Подростковый возраст представляет собой критический период личностного становления, в котором переживание одиночества и агрессивное поведение выступают взаимосвязанными психологическими феноменами, угрожающими социальной адаптации. Несмотря на актуальность проблемы, механизмы взаимосвязи различных форм одиночества и конкретных видов агрессивности у подростков 13–14 лет остаются недостаточно изученными.

Цель – выявить характер и значимость взаимосвязи между переживанием одиночества и различными формами агрессивности у подростков, а также установить гендерные различия в проявлении данных феноменов.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование проведено на выборке из 106 учащихся 7-х классов (52 юноши, 54 девушки) общеобразовательных учреждений г. Владивостока в возрасте 13–14 лет. Использован комплекс психодиагностических методик: «Шкала одиночества UCLA» (адаптация А.Н. Каширского), «Тест эмоций» (модификация Басса–Дарки по Г.В. Резапкиной), «Шкала враждебности Кука–Медлей» (адаптация Ю.А. Менджерицкой), опросник одиночества Е.Е. Роговой. Статистическая обработка проводилась с применением коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена и U-критерия Манна–Уитни.

Результаты. Установлены значимые положительные корреляции между общим ощущением одиночества и обидчивостью (r=0,519), подозрительностью (r=0,473), цинизмом (r=0,447), косвенной агрессией (r=0,444), враждебностью (r=0,412). Когнитивное одиночество обнаружило наиболее выраженные связи с агрессивными проявлениями (r до 0,590). Выявлены статистически значимые гендерные различия: у девушек выше показатели раздражения, враждебности, цинизма и временного одиночества; у юношей – физической агрессии. Одиночество выступает первич-

ным источником внутреннего напряжения, тогда как агрессия является вторичной защитной реакцией на социальную изоляцию.

Ключевые слова: переживание одиночества; агрессивность; подростковый возраст; эмоциональное одиночество; когнитивное одиночество; враждебность; гендерные различия; психологическая адаптация

Для цитирования. Черемискина, И. И., Самойличенко, А. К., & Стативкина, С. А. (2026). Взаимосвязь переживания одиночества и агрессивности у подростков. *Russian Journal of Education and Psychology*, *17*(3), 146–168. https://doi.org/10.12731/2658-4034-2026-17-3-1195

The relationship between loneliness and aggressiveness in adolescents

S.A. Stativkina, I.I. Chereminskaya, A.K. Samoilichenko
Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

Abstract

Background. Adolescence is a critical period of personal development in which the experience of loneliness and aggressive behavior represent interrelated psychological phenomena that threaten social adaptation. Despite the relevance of the problem, the mechanisms underlying the relationship between various forms of loneliness and specific types of aggressiveness in 13–14-year-old adolescents remain insufficiently studied.

Purpose – to identify the nature and significance of the relationship between the experience of loneliness and various forms of aggressiveness in adolescents, and to establish gender differences in the manifestation of these phenomena.

Materials and methods. An empirical study was conducted on a sample of 106 seventh-grade students (52 boys, 54 girls) from secondary schools in Vladivostok, aged 13–14 years. A battery of psychodiagnostic instruments was used: the UCLA Loneliness Scale (adapted by A.N. Kashirsky), the Emotions Test (Bass–Darkey modification by G.V. Rezapkina), the Cook–Medley Hostility Scale (adapted by Yu.A. Mendzheritskaya), and Rogova's Loneliness Questionnaire. Statistical analysis was performed using Spearman's rank correlation coefficient and the Mann–Whitney U-test.

Results. Significant positive correlations were established between the general sense of loneliness and resentfulness (r=0,519), suspiciousness (r=0,473), cynicism (r=0,447), indirect aggression (r=0,444), and hostility (r=0,412). Cognitive loneliness demonstrated the strongest associations with aggressive manifestations (r up to 0,590). Statistically significant gender differences were identified: girls showed higher levels of irritability, hostility, cynicism, and temporary loneliness; boys exhibited higher levels of physical

aggression. Loneliness acts as the primary source of internal tension, while aggression serves as a secondary defensive response to social isolation.

Keywords: loneliness experience; aggressiveness; adolescence; emotional loneliness; cognitive loneliness; hostility; gender differences; psychological adaptation

For citation. Stativkina, S. A., Chereminskaya, I. I., & Samoilichenko, A. K. (2026). The relationship between loneliness and aggressiveness in adolescents. *Russian Journal of Education and Psychology*, *17*(3), 146–168. https://doi.org/10.12731/2658-4034-2026-17-3-1195

Введение

Подростковый возраст – один из наиболее психологически насыщенных периодов онтогенеза, сопряжённый с интенсивной перестройкой аффективной, когнитивной и социальной сфер личности. Стремление к автономии, поиск идентичности и острая потребность в принятии со стороны сверстников составляют ядро нормативного кризиса развития, однако нередко порождают конфликт между желанием принадлежать к группе и стремлением к самобытности. Этот конфликт становится одним из ключевых источников переживания одиночества в подростковом возрасте [1; 12]. Параллельно возрастает риск формирования агрессивного поведения, которое в ряде случаев выступает вторичной реакцией на неудовлетворённость социальными отношениями и дефицит эмоционального принятия [3; 4].

Проблема взаимосвязи одиночества и агрессивности приобретает особое значение в контексте современных исследований психологического благополучия подростков. В зарубежной психологии данная тематика активно разрабатывается начиная с классических работ Р. Вейса, выделившего эмоциональный и социальный типы одиночества, и концепции Дж. Качиоппо и Л. Хокли, согласно которой одиночество активирует систему имплицитной гипербдительности к социальным угрозам, порождая устойчивые негативные когнитивные установки по отношению к окружающим [16]. Эта модель непосредственно объясняет механизм трансформации одиночества в агрессивные реакции: воспринимая социальный мир как угрожающий, подросток склонен интерпретировать нейтральные стимулы как враждебные, что повышает вероятность конфликтного взаимодействия [17].

В отечественной науке изучение одиночества в подростковом возрасте имеет сложившуюся традицию. Е.Е. Рогова, Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин рассматривают одиночество как многокомпонентное субъективное переживание, включающее эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты [10; 8]. С.Г. Корчагина выделяет четыре типа одиночества – отчуждающее, диффузное, диссоциированное и субъективно позитивное, – акцентируя различие между деструктивными и ресурсными формами изоляции [6]. Среди актуальных отечественных работ особого внимания заслуживают исследования А.В. Кузьминой, установившей взаимосвязь чувства одиночества и агрессивности у подростков [7], а также исследование Е.Е. Роговой и В.В. Собко, посвящённое факторам возникновения одиночества в данном возрасте [11]. Изучение агрессивности подростков также представлено широким кругом работ: типологические классификации Л.М. Семенюк, системно-функциональный подход А.И. Крупнова, а также фрустрационная модель Д. Долларда нашли применение в отечественных эмпирических исследованиях [9; 2]. Вместе с тем прямая взаимосвязь между различными компонентами одиночества и конкретными формами агрессивности в выборках российских подростков изучена недостаточно.

В зарубежной литературе последнего десятилетия интерес к данной проблематике существенно возрос. Систематический обзор продольных исследований показал, что трудности в социальной интеграции, нарушения качества межличностных отношений и дефицит эмоциональной поддержки выступают устойчивыми предикторами одиночества в детском и подростковом возрасте [19]. Глобальная тенденция роста одиночества среди подростков подтверждается и мета-аналитическими данными: мета-анализ, охвативший данные из более чем пятнадцати стран, зафиксировал значительное увеличение показателей одиночества среди молодёжи за последнее десятилетие [20]. Исследование Hemberg et al. (2022) установило, что одиночество у подростков и молодых взрослых закономерно сопровождается негативными аффективными состояниями – пессимизмом, тревогой, раздражительностью и враждебностью [18]. Гендерная дифференциация в переживании одиночества и агрессивности также систематически подтверждается

в эмпирических работах: у девушек преобладают интернализованные формы переживания и косвенная агрессия, тогда как у юношей более выражена физическая агрессия [15; 16].

Несмотря на накопленный теоретический и эмпирический материал, остаётся открытым вопрос о том, какие именно формы одиночества – эмоциональное, когнитивное, поведенческое, временное или постоянное – обнаруживают наиболее выраженные корреляции с конкретными видами агрессивности у подростков 13–14 лет на российской выборке. Эта лакуна определяет научную новизну настоящего исследования.

Цель исследования – выявить характер и значимость взаимосвязи между переживанием различных форм одиночества и проявлениями агрессивности у подростков 13–14 лет, а также установить гендерные различия в данных феноменах.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе трёх общеобразовательных учреждений г. Владивостока. Выборку составили 106 учащихся 7-х классов в возрасте 13–14 лет, сбалансированных по гендерному признаку: 52 юноши и 54 девушки. Выбор данной возрастной группы обусловлен её психологической спецификой: именно в период 13–14 лет происходит активная трансформация форм агрессивного поведения, а переживание одиночества приобретает выраженный эмоциональный и когнитивный характер [1; 12].

Методический комплекс формировался исходя из требований многомерного охвата исследуемых конструктов. Для диагностики агрессивности использовались три взаимодополняющих инструмента. «Тест эмоций» – модификация опросника Басса–Дарки, выполненная Г.В. Резапкиной, – обеспечил дифференцированную оценку восьми форм агрессивного реагирования: физической и вербальной агрессии, раздражения, негативизма, обидчивости, подозрительности, косвенной агрессии и чувства вины. Адаптированная «Шкала враждебности Кука–Медлей» (адаптация Ю.А. Менджерицкой, 27 утверждений) позволила измерить устойчивые негативные установки личности – цинизм, агрессивность и враждебность как черту.

Для диагностики одиночества применялись два инструмента с различными концептуальными основаниями. «Шкала одиночества UCLA» в адаптации А.Н. Каширского (20 утверждений, 4-балльная шкала) направлена на измерение общего субъективного чувства социальной изолированности и неудовлетворённости межличностными отношениями; методика широко применяется в международных сравнительных исследованиях [19; 21]. Опросник одиночества Е.Е. Роговой позволил дифференцировать пять форм переживания одиночества: временное, постоянное, эмоциональное, поведенческое и когнитивное. Именно эта дифференциация составляет методологическое преимущество данной работы, поскольку даёт возможность установить, какие компоненты одиночества несут наибольшую прогностическую нагрузку в отношении агрессивных реакций.

Статистический анализ проводился в два этапа. Для выявления взаимосвязей между формами одиночества и видами агрессивного поведения применялся коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена – непараметрический метод, адекватный порядковым шкалам используемых методик. Для установления гендерных различий использовался U-критерий Манна–Уитни, позволяющий корректно сравнивать две независимые выборки без допущения о равенстве дисперсий.

Результаты и обсуждение

Агрессивное поведение подростков: общая характеристика

Результаты «Шкалы враждебности Кука–Медлей» в адаптации Ю.А. Менджерицкой представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение подростков из исследуемой выборки по уровням выраженности склонности к враждебному поведению (методика «Шкала враждебности Кука–Медлей», n=106)

Table 1. Distribution of adolescents in the study sample by levels of tendency toward hostile behavior (using the “Cook–Medley Hostility Scale,” n=106)

Уровень выраженности	Шкала цинизма	Шкала агрессивности	Шкала враждебности
Высокий	4	6	21
Средний	82	70	46
Низкий	20	30	39

Преобладание среднего уровня цинизма (82 чел.) указывает на сохранение базового социального доверия при критичном восприятии окружающих. Средний уровень агрессивности (70 чел.) свидетельствует о способности большинства подростков удерживать негативные импульсы в социально приемлемых границах. Вместе с тем обращает на себя внимание относительно высокая доля подростков с высоким уровнем враждебности (19,8% выборки) – показателем, отражающим устойчивую негативную установку по отношению к окружающим. Данная группа представляет зону риска с точки зрения формирования деструктивных поведенческих паттернов.

Дифференцированный анализ форм агрессии по методике «Тест эмоций» позволил установить следующее: наиболее распространённой формой агрессивного реагирования в данной выборке является вербальная агрессия, высокий уровень зафиксирован у 44 подростков (41%), средний у 47 (44%), низкий у 15 (14%). Данный результат закономерен с учётом возрастной динамики агрессии: в 13–14 лет вербальная агрессия выходит на первый план, вытесняя физическую как доминирующий способ выражения негативных эмоций [4].

Таблица 2.

Распределение подростков из исследуемой выборки по уровням выраженности форм агрессии (методика «Тест эмоций», шкалы I–IV, n=106)

Table 2. Distribution of adolescents in the study sample by severity levels of aggression (using the "Emotions Test" methodology, scales I–IV, n=106)

Уровень	Физическая агрессия	Косвенная агрессия	Раздражение	Негативизм
Высокий	24	24	37	35
Средний	30	35	45	42
Низкий	52	47	24	29

Существенно выражены также раздражение (высокий уровень у 35% подростков) и негативизм (высокий уровень у 33%), что отражает высокую эмоциональную возбудимость и оппозиционные тенденции, характерные для данного возрастного периода. Физическая и косвенная агрессия представлены значительно скромнее: у большинства участников зафиксирован низкий уровень по этим шкалам (49% и 44% со-

ответственно), что свидетельствует о социализированном характере агрессивных реакций в данной выборке.

Таблица 3.

Распределение подростков из исследуемой выборки по уровням выраженности форм агрессии (методика «Тест эмоций», шкалы V–VIII, n=106)

Table 3. Distribution of adolescents in the study sample by severity levels of aggression (using the "Emotions Test" methodology, scales V–VIII, n=106)

Уровень	Обидчивость, чел.	Подозрительность, чел.	Вербальная агрессия, чел.	Чувство вины, чел.
Высокий	26	31	44	30
Средний	47	43	47	54
Низкий	33	32	15	22

Переживание одиночества подростками: общая характеристика

По «Шкале одиночества UCLA» у большинства участников выявлен средний уровень переживания одиночества (таблица 4), что указывает на эпизодическое ощущение социальной отстранённости при сохранении общей включённости в межличностное взаимодействие.

Таблица 4.

Распределение подростков из исследуемой выборки по уровню переживания одиночества (шкала UCLA, n=106)

Table 4. Distribution of adolescents in the study sample by level of loneliness (UCLA scale, n=106)

Уровень выраженности	Шкала одиночества
Высокий	33
Средний	46
Низкий	27

Вместе с тем высокий уровень одиночества зафиксирован у 33 подростков (31%), что составляет почти треть выборки. По компонентным шкалам шкалы UCLA распределение в группе подростков с высоким уровнем переживания одиночеств представлено в таблице 5.

Наиболее распространённым компонентом оказалось ощущение непонимания со стороны окружающих (высокий уровень у 91% из 33 человек, с высоким уровнем переживания одиночества), что согласуется с нейропсихологической моделью Дж. Качиоппо и Л. Хокли: одиноче-

ство активирует гипербдительность к социальным сигналам, порождая установку на ожидание отвержения [16].

Таблица 5.

Распределение подростков с высоким уровнем переживания одиночества из исследуемой выборки по компонентам переживания одиночества (шкала UCLA, n=33)

Table 5. Distribution of adolescents with high levels of loneliness in the study sample by components of loneliness (UCLA scale, n=33)

Уровень	Негативные переживания	Нарушение социальных контактов	Непонимание окружающих
Высокий	26	29	30

Отметим, что в первичной анкете, помимо вопросов о половой принадлежности и возрасте школьников, мы просили их ответить на 2 вопроса: «Часто ли ты чувствуешь себя одиноким?» и «Как ты считаешь, у тебя много друзей?». Вопросы были закрытыми и предполагали варианты ответов. Субъективная самооценка одиночества оказалась высоко согласована с объективными данными шкал: подростки, отвечающие «часто чувствую себя одиноким», в большинстве случаев (7 из 10) демонстрировали высокий уровень по UCLA. Это свидетельствует о диагностической ценности простых скрининговых вопросов в практике школьного психолога. Подростки, описывающие свои социальные отношения как отрицательные, в 100% случаев вошли в группу с высоким уровнем одиночества, что подчёркивает решающую роль субъективного восприятия качества межличностного взаимодействия. Данная закономерность согласуется с классической концепцией Р. Вейса, согласно которой одиночество является прежде всего феноменом субъективного переживания отношений, а не объективного их отсутствия [22]. Среди факторов, провоцирующих агрессию как компенсаторную реакцию на одиночество, А.А. Сердюк особо выделяет недостаточную включённость подростков в социально-культурную деятельность, что согласуется с нашими данными о связи социальной изоляции и деструктивного поведения [13]. Анализ фактора дружеских связей показал принципиально важный парадокс: среди подростков, имеющих «несколько хороших друзей», 14 человек демонстрируют высокий уровень одиночества. Данный результат

подтверждает концептуальное положение о том, что именно качество, а не количество социальных контактов детерминирует субъективное переживание одиночества [16; 19]. Подросток может быть формально включён в социальную группу, однако испытывать глубокое ощущение непонятости и эмоционального одиночества в отсутствие доверительных, поддерживающих отношений.

Дифференцированный анализ форм одиночества по опроснику Е.Е. Роговой (таблица 6) позволил выявить качественно различные профили переживания изоляции.

Таблица 6.

Распределение подростков из исследуемой выборки по формам переживания одиночества (опросник Е.Е. Роговой, n=106)

Table 6. Distribution of Adolescents in the Study Sample by Forms of Experiencing Loneliness (Questionnaire by E.E. Rogova, n=106)

Уровень	Временное	Постоянное	Эмоциональное	Поведенческое	Когнитивное
Высокий	38	14	44	11	16
Средний	41	29	37	43	34
Низкий	27	63	25	52	16

Доминирующей формой является эмоциональное одиночество (высокий уровень у 41%), отражающее дефицит близких, доверительных отношений и отсутствие эмоционального резонанса в значимом социальном окружении. Данный результат соответствует выводам зарубежных исследований, согласно которым именно эмоциональный компонент одиночества наиболее тесно связан с риском психологической дезадаптации в подростковом возрасте [6; 19]. Существенно представлено также временное одиночество (высокий уровень у 36%). Напротив, постоянное и поведенческое одиночество выражены слабо, что указывает на сохранение базовой социальной включённости большинства участников выборки.

Взаимосвязь одиночества и агрессивности: корреляционный анализ

Для проверки основной гипотезы исследования был проведён корреляционный анализ с применением коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Структура выявленных взаимосвязей между общим ощущением одиночества и формами агрессивного поведения наглядно представлена на рисунке 1. Корреляционная плеяда демонстрирует, что одиночество образует устойчивый кластер связей преимущественно с интернализованными формами агрессии – обидчивостью, подозрительностью и цинизмом.

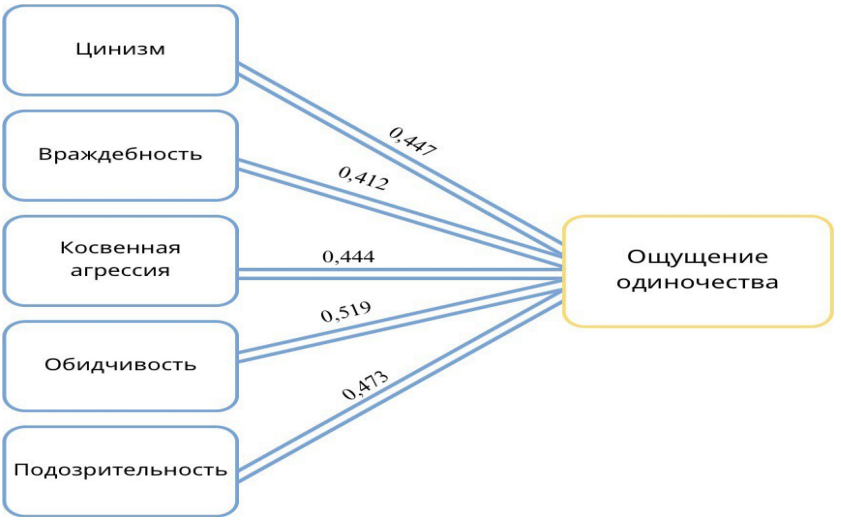

Рис. 1. Корреляционная плеяда взаимосвязи общего ощущения одиночества и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 1. Correlation matrix showing the relationship between general feelings of loneliness and forms of aggressive behavior among adolescents

Все выявленные корреляции значимы на уровне $p \leq 0{,}01$ и имеют положительную направленность, что подтверждает основную гипотезу исследования.

Наиболее сильная связь обнаружена между одиночеством и обидчивостью ($r=0{,}519$): подростки, испытывающие социальную изоляцию, склонны воспринимать нейтральные или критические стимулы как личную обиду, что соответствует механизму враждебной атрибуции, описанному в работах Л. Берковица [2; 17]. Значимые связи с подозрительностью ($r=0{,}473$) и цинизмом ($r=0{,}447$) указывают на то, что одиночество формирует устойчивую негативную когнитивную рамку

восприятия социального мира, а косвенная агрессия (r=0,444) и враждебность (r=0,412) выступают поведенческим выражением накопленного внутреннего напряжения.

Анализ взаимосвязей между компонентными шкалами одиночества и агрессивными реакциями (рисунки 2-5) позволил детализировать данную картину.

Характер связей между негативными переживаниями и агрессивными реакциями отражён на рисунке 2. Плеяда демонстрирует симметричное распределение связей между тремя формами агрессии – цинизмом, обидчивостью и подозрительностью.

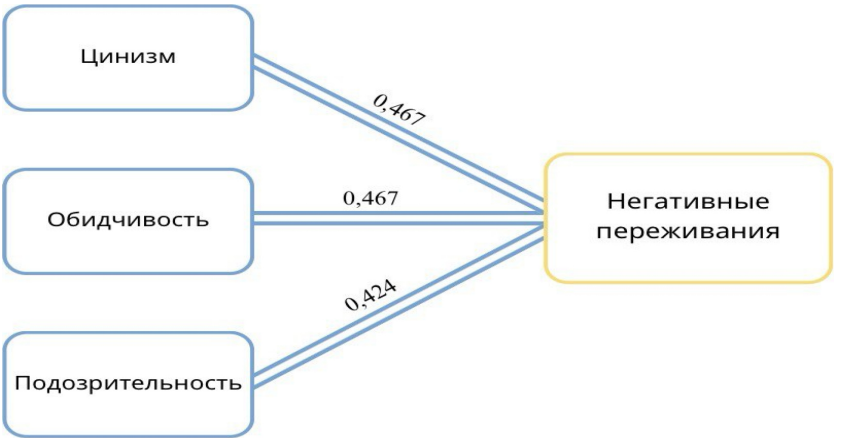

Рис. 2. Корреляционная плеяда взаимосвязи негативных переживаний и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 2. A correlation matrix illustrating the relationship between negative emotions and forms of aggressive behavior in adolescents

Рисунок 3 иллюстрирует связи нарушения социальных контактов с агрессивными реакциями. Плеяда показывает, что трудности в межличностном взаимодействии порождают преимущественно скрытые, пассивные формы агрессии – косвенную агрессию, подозрительность и цинизм.

Рисунок 4 отражает более локальную, но значимую структуру связей: обидчивость и подозрительность являются ключевыми агрессивными откликами на переживание коммуникативной изоляции.

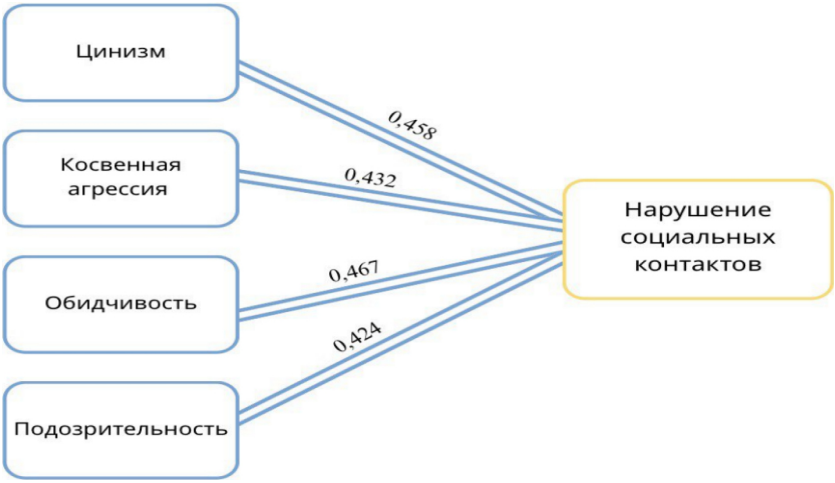

Рис. 3. Корреляционная плеяда взаимосвязи нарушения социальных контактов и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 3. A cluster of correlations between impaired social interactions and forms of aggressive behavior in adolescents

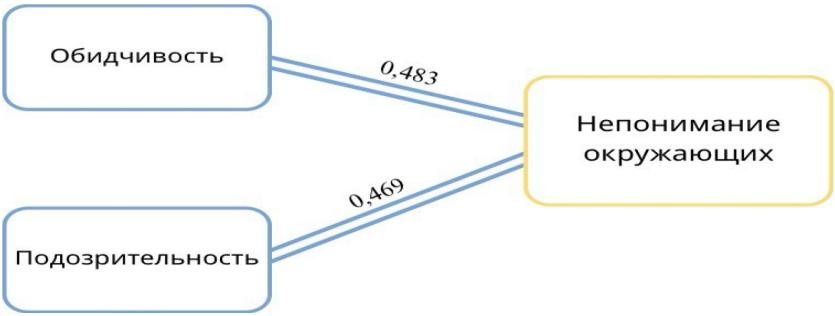

Рис. 4. Корреляционная плеяда взаимосвязи ощущения непонимания окружающими и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 4. A cluster of correlations between adolescents' perception of being misunderstood by those around them and forms of aggressive behavior

Разветвлённость плеяды временного одиночества (рисунок 5) – пять значимых связей – свидетельствует о том, что даже эпизодическая социальная изоляция активирует широкий спектр агрессивных реакций, охватывающих когнитивные (цинизм, подозрительность), аффективные (раздражение, обидчивость) и поведенческие (косвенная агрессия) проявления [1; 16].

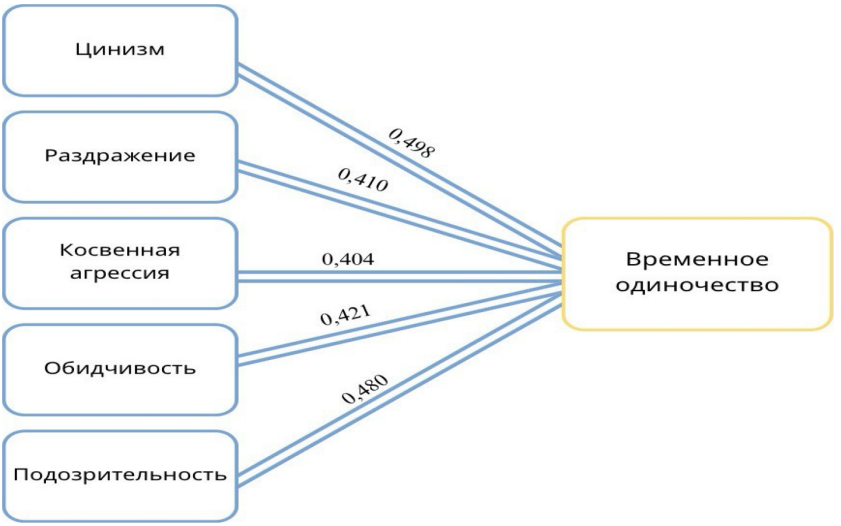

Рис. 5. Корреляционная плеяда взаимосвязи временного одиночества и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 5. Correlation matrix showing the relationship between temporary loneliness and forms of aggressive behavior among adolescents

Рисунок 6 иллюстрирует структуру связей постоянного одиночества. В отличие от временного, плеяда носит более концентрированный характер: устойчивая хроническая изоляция закономерно формирует глубинные личностные установки враждебности и недоверия.

Принципиально значимым результатом является то, что когнитивное одиночество обнаруживает наиболее высокие и разнообразные корреляции со всеми измеренными формами агрессии. Коэффициент r=0,590 для связи «когнитивное одиночество – обидчивость» является наиболее высоким во всём корреляционном матриксе исследования. Когнитивное одиночество – субъективное убеждение подростка в том, что он принципиально не может быть понят и принят окружающими, – формирует устойчивую интерпретационную схему социального мира как враждебного. Эмоциональные реакции на переживание изоляции – тревога, злость, обидчивость – рассматриваются К.Э. Изардом как базовые мотивационные системы, детерминирующие характер социального поведения [5]. Данный результат теоретически согласуется с концепцией социальной гипербди-

тельности Дж. Качиоппо [16] и перекликается с зарубежными данными о роли когнитивных медиаторов в связи одиночества и агрессии [14; 17].

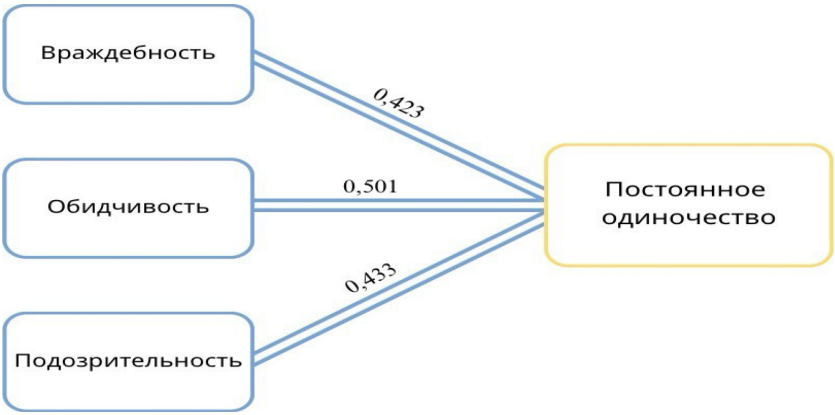

Рис. 6. Корреляционная плеяда взаимосвязи постоянного одиночества и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 6. Correlation matrix showing the relationship between chronic loneliness and forms of aggressive behavior in adolescents

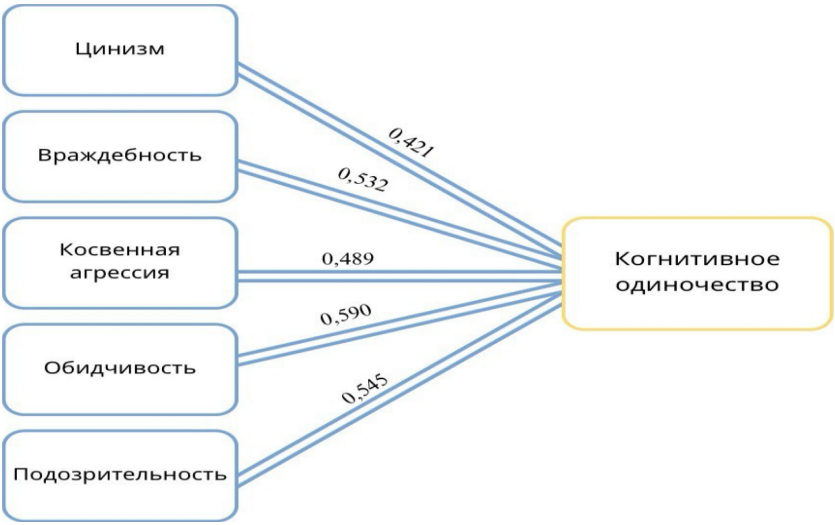

Рис. 7. Корреляционная плеяда взаимосвязи когнитивного одиночества и форм агрессивного поведения у подростков
Fig. 7. Correlation matrix showing the relationship between cognitive loneliness and forms of aggressive behavior in adolescents

Рисунок 7 демонстрирует наиболее разветвлённую и высоконасыщенную плеяду исследования – структуру связей когнитивного одиночества с агрессивными реакциями.

Гендерные различия в переживании одиночества и агрессивности

Для проверки дополнительной гипотезы о гендерных различиях применялся U-критерий Манна–Уитни. Статистически значимые различия выявлены по пяти показателям (таблица 7).

Таблица 7.

Результаты анализа гендерных различий (U-критерий Манна–Уитни, n=106)

Table 7. Results of the Analysis of Gender Differences (Mann–Whitney U-test, n=106)

Шкала	Выборки	U	Z	p
Раздражение	Ю/Д	861,500	−3,510	0,000
Физическая агрессия	Ю/Д	970,000	−2,798	0,005
Враждебность	Ю/Д	1007,000	−2,514	0,012
Временное одиночество	Ю/Д	1011,500	−2,498	0,012
Цинизм	Ю/Д	1066,000	−2,138	0,033

Вывод о направлении различий был сделан на основе сопоставления средних значений и медиан по указанным в таблице показателям. У девушек значимо выше показатели раздражения ($p<0,001$, $\bar{x}=3,2$, Me=4 у девушек и $\bar{x}=2,2$, Me=2 у юношей), враждебности ($p=0,012$, $\bar{x}=20,9$, Me=22 у девушек и $\bar{x}=18,3$, Me=18 у юношей) и цинизма ($p=0,033$, $\bar{x}=52,7$, Me=55,5 у девушек и $\bar{x}=48$, Me=49 у юношей), что свидетельствует о преобладании интернализованных, эмоционально насыщенных форм агрессии. Враждебность у девушек проявляется не в открытом конфликтном поведении, а в устойчивых негативных установках по отношению к окружающим, подозрительности и ироничном дистанцировании. Данные результаты согласуются с выводами масштабного российского исследования Е.М. Егоровой, А.А. Реана и О.А. Тихомандрицкой (2024) [4], а также с международными данными о гендерной дифференциации паттернов агрессии [17].

У юношей, напротив, значимо выше уровень физической агрессии ($p=0,005$, $\bar{x}=1,5$, Me=1 у девушек и $\bar{x}=2,4$, Me=2 у юношей), что объясняется как биологическими факторами, так и социализационными: нормы маскулинности в подростковой среде нередко поощряют теле-

сное выражение негативных эмоций как демонстрацию силы и статуса. Значимые гендерные различия выявлены и в переживании временного одиночества ($p=0{,}012$, $\bar{x}=6{,}1$, $Me=6$ у девушек и $\bar{x}=4{,}7$, $Me=5$ у юношей): девушки воспринимают даже кратковременные эпизоды социальной изоляции как эмоционально тяжёлые и дезадаптирующие, тогда как юноши в ряде случаев способны переживать уединение функционально – как ресурс для восстановления и саморефлексии [1; 16].

Анализ фактора дружеских связей показал принципиально важный парадокс: среди подростков, имеющих «несколько хороших друзей», 14 человек демонстрируют высокий уровень одиночества. Данный результат подтверждает концептуальное положение о том, что именно качество, а не количество социальных контактов детерминирует субъективное переживание одиночества [16; 19]. Подросток может быть формально включён в социальную группу, однако испытывать глубокое ощущение непонятости и эмоционального одиночества в отсутствие доверительных, поддерживающих отношений.

Заключение

1. Подростковый возраст 13–14 лет характеризуется специфическим профилем агрессивного поведения: доминирующими формами являются вербальная агрессия, раздражение и негативизм, тогда как физическая и косвенная агрессия выражены значительно слабее. Данная закономерность отражает нормативную возрастную трансформацию агрессивного поведения – переход от физических к речевым и оппозиционным формам выражения внутреннего напряжения.

2. В структуре переживания одиночества у подростков 13–14 лет доминирует эмоциональное одиночество, отражающее дефицит близких, поддерживающих и доверительных отношений. Высокий уровень общего одиночества, зафиксированный почти у трети подростков (31%), указывает на серьёзный дефицит качественных эмоциональных контактов в данной возрастной группе.

3. Основная гипотеза исследования подтверждена: между переживанием одиночества и агрессивным поведением подростков установлены значимые положительные корреляции ($p\leq0{,}01$). Наиболее устойчивы-

ми агрессивными коррелятами одиночества выступают обидчивость, подозрительность, цинизм, косвенная агрессия и враждебность. Вероятно, переживание одиночества может провоцировать агрессивные реакции у подростков, в тоже время проявления агрессии усиливают переживание социальной изоляции.

4. Среди всех изученных форм одиночества наиболее выраженные и разнообразные связи с агрессивностью обнаруживает когнитивное одиночество: коэффициенты корреляции с обидчивостью ($r=0,590$), подозрительностью ($r=0,545$) и враждебностью ($r=0,532$) являются наиболее высокими во всём корреляционном матриксе. Данный результат указывает на когнитивные схемы восприятия социального мира как ключевой мишени психологической коррекции при работе с агрессивными подростками.

5. Дополнительная гипотеза о наличии гендерных различий подтверждена. У девушек значимо выше показатели раздражения ($p<0,001$), враждебности ($p=0,012$), цинизма ($p=0,033$) и временного одиночества ($p=0,012$); у юношей — физической агрессии ($p=0,005$). Данные различия отражают принципиально разные стратегии совладания с социальной изоляцией: девушки склонны к интернализации переживаний, юноши – к экстернализации через физически выраженное поведение.

6. Полученные результаты имеют непосредственное практическое значение. Профилактика агрессивного поведения подростков должна быть ориентирована прежде всего на устранение первопричины – переживания одиночества и дефицита эмоционального принятия. Приоритетными направлениями работы являются: развитие навыков построения доверительных отношений, формирование позитивных когнитивных схем восприятия социального взаимодействия и создание в образовательном учреждении среды эмоциональной безопасности. При этом необходимо учитывать гендерную специфику: юношам важно предлагать конструктивные каналы выражения агрессивных импульсов, девушкам – инструменты эмоциональной регуляции и уверенного построения доверительных отношений.

Описание применения генеративной модели. Во время подготовки статьи авторы использовали инструмент Claude (Anthropic, модель

Claude Sonnet 4.6) в целях литературного редактирования и оформления текста: приведения рукописи в соответствие со стилистическими и структурными требованиями журнала, а также оформления источников литературы в формате APA. Эмпирические данные, методологические решения, интерпретация результатов и содержательные выводы исследования полностью принадлежат авторам и не являются продуктом генеративного ИИ. Раздел «Заключение» написан авторами самостоятельно без применения ИИ-инструментов. После использования инструмента весь текст был пересмотрен и отредактирован авторами. Авторы берут на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Бармина П.С., & Нозикова Н.В. (2023). Особенности межличностных отношений и переживания одиночества в юношеском возрасте в зависимости от фактора пола. *Экспериментальная психология*, *16*(1), 167–181. https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160111. EDN: https://elibrary.ru/xshsdt
2. Берковиц Л. (2001). *Агрессия: причины, последствия и контроль* (В.А. Ядов, пер. с англ.; А.А. Реан, под ред.). Санкт-Петербург: Питер. 512 с.
3. Бреслав Г.Э. (2004). *Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учебное пособие*. Санкт-Петербург: Речь. 144 с. ISBN: 5-9268-0317-9. EDN: https://elibrary.ru/qxldwt
4. Егорова Е.М., Реан А.А., & Тихомандрицкая О.А. (2024). Половозрастные особенности проявления различных типов агрессии в старшем подростковом возрасте. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, *14*(2), 205–222. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204. EDN: https://elibrary.ru/fcgenv
5. Изард К.Э. (2000). *Психология эмоций* (П.Р. Панов, пер. с англ.). Санкт-Петербург: Питер. 464 с.
6. Корчагина С.Г. (2008). *Психология одиночества: учебное пособие*. Москва: МПСИ. 228 с. ISBN: 978-5-9770-0076-5. EDN: https://elibrary.ru/tstlqv
7. Кузьмина А.В. (2022). Взаимосвязь чувства одиночества и агрессивности подростков. *Репозиторий Витебского государственного университета имени П.М. Машерова*. https://rep.vsu.by/handle/123456789/33329. EDN: https://elibrary.ru/yqabxs
8. Леонтьев Д.А., & Осин Е.Н. (2013). Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, *10*(1), 55–81. EDN: https://elibrary.ru/qyzbyj

9. Немов Р.С. (2004). *Психология: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии*. Москва: Владос. 640 с.
10. Рогова Е.Е. (2005). *Психологические особенности одиночества у подростков с разной социальной направленностью* (дис. … канд. психол. наук). Ростов-на-Дону. 197 с.
11. Рогова Е.Е., & Собко В.В. (2024). Факторы возникновения одиночества у подростков. *Психологическая газета*. https://psy.su/feed/10584
12. Самаль Е.В., & Ствольгин К.В. (2020). Особенности переживания одиночества лицами подросткового возраста в конце прошлого столетия и в настоящее время. *Психология человека в образовании*, *2*(2), 166–173. https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-2-166-173. EDN: https://elibrary.ru/nrwlts
13. Сердюк А.А. (2022). Особенности агрессивных реакций подростков с разной степенью вовлечённости в социально-культурную деятельность. *Вестник Пермского университета. Психология*. https://doi.org/10.17072/2307-0153-2022-1-58-67. EDN: https://elibrary.ru/ebatoc
14. Фромм Э. (2009). *Анатомия человеческой деструктивности* (Э.М. Телятникова, пер. с англ.). Москва: АСТ. 635 с.
15. Юлдашева М. (2021). Анализ методологических подходов к интерпретации чувства одиночества. *Общество и инновации*, *2*(3), 222–231. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss3-pp222-231
16. Cacioppo, J. T., & Hawkley, L. C. (2002). Social isolation and health, with an emphasis on underlying mechanisms. *Perspectives in Biology and Medicine*, *45*(3), 381–399. https://doi.org/10.1353/pbm.2002.0049
17. Galanaki, E. P., & Vaiopoulos, C. (2023). Adolescent loneliness and social anxiety: Are there associations with aggressive and prosocial behaviour? *Cogent Education*, *10*(1). https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2167836
18. Hemberg, J., Bergdahl, E., & Nasman, M. (2022). The meaning of loneliness in lonely individuals aged 15–30 years: A hermeneutic study. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, *17*(1). https://doi.org/10.1080/17482631.2022.2061563
19. Qualter, P., Vanhalst, J., Harris, R., Van Roekel, E., Lodder, G., Bangee, M., Verhagen, M., & Cacioppo, M. (2015). Loneliness across the life span. *Perspectives on Psychological Science*, *10*(2), 250–264. https://doi.org/10.1177/1745691615568999
20. Steliarova-Foucher, E., O'Callaghan, M., Ferlay, J., et al. (2021). Worldwide trends in adolescent loneliness: A meta-analytic review. *Journal of Adolescence*, *93*, 257–274. https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2021.06.006
21. Vanhalst, J., Luyckx, K., Scholte, R. H. J., Engels, R. C. M. E., & Goossens, L. (2013). Low self-esteem as a risk factor for loneliness in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, *41*(7), 1067–1081. https://doi.org/10.1007/s10802-013-9751-y. EDN: https://elibrary.ru/npktjm

22. Weiss, R. S. (1973). *Loneliness: The experience of emotional and social isolation*. MIT Press. 236 p.

References

1. Barmina, P. S., & Nozikova, N. V. (2023). Features of interpersonal relations and the experience of loneliness in youth depending on the gender factor. *Experimental Psychology*, *16*(1), 167–181. https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160111. EDN: https://elibrary.ru/xshsdt
2. Berkowitz, L. (2001). *Aggression: Causes, consequences and control* (V. A. Yadov, Trans. from English; A. A. Rean, Ed.). St. Petersburg: Piter. 512 p.
3. Breslav, G. E. (2004). *Psychological correction of child and adolescent aggressiveness: A study guide*. St. Petersburg: Rech. 144 p. ISBN: 5-9268-0317-9. EDN: https://elibrary.ru/qxldwt
4. Egorova, E. M., Rean, A. A., & Tikhomandritskaya, O. A. (2024). Sex-age characteristics of manifestations of different types of aggression in older adolescence. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, *14*(2), 205–222. https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.204. EDN: https://elibrary.ru/fcgenv
5. Izard, C. E. (2000). *The psychology of emotions* (P. R. Panov, Trans. from English). St. Petersburg: Piter. 464 p.
6. Korchagina, S. G. (2008). *Psychology of loneliness: A study guide*. Moscow: MPSI. 228 p. ISBN: 978-5-9770-0076-5. EDN: https://elibrary.ru/tstlqv
7. Kuzmina, A. V. (2022). The relationship between the feeling of loneliness and aggressiveness in adolescents. *Repository of Vitebsk State University named after P. M. Masherov*. https://rep.vsu.by/handle/123456789/33329. EDN: https://elibrary.ru/yqabxs
8. Leontiev, D. A., & Osin, E. N. (2013). Differential questionnaire of the experience of loneliness: Structure and properties. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *10*(1), 55–81. EDN: https://elibrary.ru/qyzbyj
9. Nemov, R. S. (2004). *Psychology: In 3 books. Book 1: General foundations of psychology*. Moscow: Vlados. 640 p.
10. Rogova, E. E. (2005). *Psychological characteristics of loneliness in adolescents with different social orientations* (Candidate of Psychological Sciences dissertation). Rostov-on-Don. 197 p.
11. Rogova, E. E., & Sobko, V. V. (2024). Factors of loneliness emergence in adolescents. *Psychological Newspaper*. https://psy.su/feed/10584
12. Samal, E. V., & Stvolygin, K. V. (2020). Features of the experience of loneliness by adolescents at the end of the last century and at the present time. *Human Psychology in Education*, *2*(2), 166–173. https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-2-166-173. EDN: https://elibrary.ru/nrwlts
13. Serdyuk, A. A. (2022). Features of aggressive reactions of adolescents with different degrees of involvement in socio-cultural activities. *Vestnik of Perm University. Psy-*

chology. https://doi.org/10.17072/2307-0153-2022-1-58-67. EDN: https://elibrary.ru/ebatoc

14. Fromm, E. (2009). *The anatomy of human destructiveness* (E. M. Telyatnikova, Trans. from English). Moscow: AST. 635 p.
15. Yuldasheva, M. (2021). Analysis of methodological approaches to the interpretation of the feeling of loneliness. *Society and Innovations*, *2*(3), 222–231. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss3-pp222-231
16. Cacioppo, J. T., & Hawkley, L. C. (2002). Social isolation and health, with an emphasis on underlying mechanisms. *Perspectives in Biology and Medicine*, *45*(3), 381–399. https://doi.org/10.1353/pbm.2002.0049
17. Galanaki, E. P., & Vaiopoulos, C. (2023). Adolescent loneliness and social anxiety: Are there associations with aggressive and prosocial behaviour? *Cogent Education*, *10*(1). https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2167836
18. Hemberg, J., Bergdahl, E., & Nasman, M. (2022). The meaning of loneliness in lonely individuals aged 15–30 years: A hermeneutic study. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, *17*(1). https://doi.org/10.1080/17482631.2022.2061563
19. Qualter, P., Vanhalst, J., Harris, R., Van Roekel, E., Lodder, G., Bangee, M., Verhagen, M., & Cacioppo, M. (2015). Loneliness across the life span. *Perspectives on Psychological Science*, *10*(2), 250–264. https://doi.org/10.1177/1745691615568999
20. Steliarova-Foucher, E., O'Callaghan, M., Ferlay, J., et al. (2021). Worldwide trends in adolescent loneliness: A meta-analytic review. *Journal of Adolescence*, *93*, 257–274. https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2021.06.006
21. Vanhalst, J., Luyckx, K., Scholte, R. H. J., Engels, R. C. M. E., & Goossens, L. (2013). Low self-esteem as a risk factor for loneliness in adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, *41*(7), 1067–1081. https://doi.org/10.1007/s10802-013-9751-y. EDN: https://elibrary.ru/npktjm
22. Weiss, R. S. (1973). *Loneliness: The experience of emotional and social isolation*. MIT Press. 236 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Черемискина Ирина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент
Владивостокский государственный университет
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, 690014, Российская Федерация
irina-cheremiski@mail.ru

Самойличенко Александр Константинович, старший преподаватель
Владивостокский государственный университет
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, 690014, Российская Федерация
samoilichenkos@gmail.com

Стативкина Софья Андреевна, магистрант
Владивостокский государственный университет
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, 690014, Российская Федерация
sofia03100339@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Chereminskaya, PhD in Psychology, Associate Professor
Vladivostok State University
41, Gogolya Str., Vladivostok, 690014, Russian Federation
irina-cheremiski@mail.ru
SPIN-code: 4568-5420
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4201-1990

Alexander K. Samoilichenko, Senior Lecturer
Vladivostok State University
41, Gogolya Str., Vladivostok, 690014, Russian Federation
samoilichenkos@gmail.com
SPIN-code: 4401-4185
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9841-9069

Sophia A. Stativkina, Master's Student
Vladivostok State University
41, Gogolya Str., Vladivostok, 690014, Russian Federation
sofia03100339@gmail.com

Поступила 01.03.2026 Received 01.03.2026
После рецензирования 30.03.2026 Revised 30.03.2026
Принята 03.04.2026 Accepted 03.04.2026